

PHILOSOPHY

Zimaryova J. V.

"FEMINISTS BEFORE FEMINISM": ENLIGHTENMENT AND THE PROBLEM OF WOMEN'S EDUCATION IN THE XVIII CENTURY

Zimaryova J. V., Ukraine, PhD-student Dnipropetrovsk national university of railway transport named after academician V. Lazaryan

Abstract

While analyzing the problems of feminism in the English culture of the XVII – XVIII centuries it becomes evident that the “women`s literature” of that period reflects transformations of the gender relations in the Enlightenment. The essays by M.Astell, K.McAuley, M.Wollstonecraft and other English women-writers represent the objective reflexion of the corresponding cultural phenomenon: the establishment of the dominant role of reason and the necessity of women`s education. The main statement of the “feminism before feminism” lies in their assurance that women possess the same reason as men and therefore they should have the same access to education and possess the moral status of “educated rational creatures”.

Keywords: the Enlightenment, feminism, postmodernism, rationalism, education, dichotomies, stereotypes.

Критика Просвещения и «повестка дня», где первым пунктом стоит «наука», противоположны друг другу, указывают теоретики постмодерна [1, с.84]. Следуя логике постмодернистской критики Просвещения, наука «по определению» воплощает в себе интеллектуальные и политические «грехи» Просвещения (М.Фуко, Ж.-Ф.Лиотар, Р.Рорти и другие). Ж.-Ф.Лиотар, например, известный своей

2d the International Conference «Research, Innovation and Education» 2015

полемикой с Ю.Хабермасом о постмодернизме, выступая в качестве его защитника, обращается, - как и М.Фуко, - к анализу дискурса власти, связывая его с «дискурсом легитимации», оправдывающим и закрепляющим определенное социальное устройство общества [2]. Для Ю.Хабермаса, защитника Просвещения, - постмодернистская критика Просвещения стремится подорвать «щит» науки пусть даже в целях демократии: антирасизма, экологии, антимилитаризма [3]. Споря с Лиотаром, Хабермас считает, что все проблемы сегодняшнего общества и постсовременной культуры есть результат того, что «проект» модернизации не был доведен до конца. Невозможно избежать проблем, поднятых Просвещением, но решение их Хабермас видит в русле, намеченном ранним Гегелем: изолированный субъект должен выйти из изоляции. Лиотар, напротив, призывает: вести войну с целостностью, с тотальностью, делая ставку на различия.

В феминистской теории также существуют противоречивые точки зрения: например, Дж.Флэкс утверждает, что, несмотря на понятную амбивалентность по отношению к проектам Просвещения, феминизм существует – и это нужно признать – только в поле постмодерна [4]. К.Ди Стефано, с другой стороны, выступает против локации феминизма исключительно в поле постмодерна, доказывая, что силу феминистской теории и политики следует искать в ее модернистской акцентуализации гендера: «Современный западный феминизм твердо, - пусть даже несколько амбивалентно, - находится в модернистском этосе, сделавшим возможной феминистскую идентификацию и критику гендера» [5]. Более того, именно феминистки XVIII века, «феминистки до феминизма», внесли существенный вклад в феминистскую мысль, утверждающую, что не женская сексуальная идентичность, не их тела, их пол или репродуктивные способности определяют «природу» женщин, но общество, условности, традиции и стереотипы. Именно оппозиция «природа - образование» («nature - nurture») подверглась резкой критике просвещенных женщин Западной Европы в конце XVII-XVIII веках, понимавших важность образования в становлении женщины – полноценного «Человека».

Как известно, традиционное мнение о том, что место женщины - дом и семья, базировалось на столь же традиционном патриархальном убеждении в том, что женщины «природно», «конституционально» не способны принимать участие в публичной или политической жизни, маркировавшейся исключительно в маскулинных терминах.

2d the International Conference «Research, Innovation and Education» 2015

Безусловно, воспитанные в социальной и культурной среде XVIII века, женщины-писательницы этого времени, какими бы радикальными они ни были, в период своего становления были пропитаны традиционными представлениями о роли и предназначении женщины. Проявление же компетентности, твердости, индивидуальности полностью приписывалось маскулинности, и именно здесь писательницы XVIII века вступили в полемику с общественным мнением.

Как отмечают исследователи, вопреки распространенному мнению феминизм XVIII века не возник с приходом в литературу Мери Уоллстоункрафт в 90-х годах. Феминистки Просвещения были уверены, что повышение статуса женщин должно происходить через усиление рационального понимания и рефлексии. Их главное требование – требование адекватного образования – вытекало непосредственно из желания освободиться от определенного рода ограничений, что, как было уже понятно, можно было достичь только при условии образования женщин. Заявление, что женщины средних и высших классов должны учиться, чтобы думать, сейчас не кажется революционным, но для тех, кто боролся за это в XVII- XVIII веках, оно открывало возможности огромных социальных изменений. Феминистки Просвещения потрясли один из самых мощных столпов общества, изменив мировоззренческие стандарты, начав при этом с проблемы важности образования для женщин [6].

Бесспорно, проблема образования приобрела остроту в то время не только для женщин, но также и для мужчин. Как известно, до изобретения печатного станка (в Англии – 1474 г.), едва ли было возможно говорить о грамотном населении. Но в эпоху книгопечатания именно образование стало «открывать двери», предоставляя доступ к деньгам, должностям, престижности и политическим правам. С этого времени – периода Ренессанса – расширение образования исключительно для мужчин значительно увеличило культурный разрыв между мужчинами и женщинами. В результате последнего, когда просветители в XVIII веке провозгласили, что рациональное мышление является необходимым условием гражданства, они, безусловно, имели в виду образованных мужчин. Великий Ж.-Ж.Руссо, поставив в центр своих размышлений проблему взаимоотношений личности и общества, рассматривает в качестве гражданина только мужчину, и когда Руссо ведет пропаганду эгалитаризма, то к женщинам его борьба за равноправие не имеет никакого отношения. История человека, какой ее видит Руссо, «взятая из природы, которая никогда не

2d the International Conference «Research, Innovation and Education» 2015

лжет», абсолютно андроцентрична. Принципиальное различие между мужской и женской субъективностью заключается, согласно Руссо, в избыточной женской чувственности, которая, по Руссо, полностью определяется сексуальностью, в то время как мужская – лишь частично. «Самец является самцом лишь в некие минуты, самка остается самкой всю жизнь», - пишет Руссо [7]. Поскольку самоконтроль посредством разума недоступен женщинам, они, полагает Руссо, должны на протяжении всей жизни прибегать к услугам ментор-наставника, функцию которого выполняет мужчина: сначала это отец, затем – муж. Утверждая, что женщина «сконструирована» специально для удовольствия мужчины, Руссо ссылается на «естественные» различия мужчин и женщин, в основном, очевидно потому, что его концепция демократии основывалась на понятии общего интереса, который могут сформулировать и выражать только экономически независимые граждане - мужчины.

Взгляды Руссо на образование женщин – при всей их влиятельности – не пользовались безоговорочной поддержкой в западноевропейском обществе. Уже в 70-х годах XVIII века женщины в Западной Европе стали требовать доступ к официальному образованию. Ранние проponentы женского образования приводили в пользу последнего доводы, связанные с ролью матери: если мать воспитывает сыновей, она должна быть достаточно образованной с тем, чтобы обучать их дома. В США этот аргумент получил определение в термине «республиканское материнство»: матери воспитывали будущих граждан – мужчин. Даже если у женщины не было детей, она все равно должна быть грамотной, утверждали «ранние феминистки». В таких протестантских странах, как Англия и США, где превалировали скорее личные интерпретации Священного Писания, женщинам необходима была грамотность для того, чтобы изучать Библию. Кроме того религиозный принцип равенства душ перед Господом Богом способствовал появлению аргументов в пользу образования женщин [8].

К концу XVIII века оба довода, упомянутые выше, широко использовались западными феминистами для оправдания необходимости женского образования. В исторической перспективе представляется ключевым творчество Мери Эстелл (1688-1731). Эстелл очень важна для истории феминизма начала XVIII века по нескольким причинам: во-первых, она обозначила вопросы, которые оставались центральными и в XIX веке, во-вторых, она была преданной церкви, уважаемой прихожанкой, в своей дружбе с женщинами

2d the International Conference «Research, Innovation and Education» 2015

она создавала атмосферу поддержки и уважения к их работе; и, что очень важно, Мери Эстел была самой открытой феминисткой своего времени. В феминистских трактатах Эстел отвергала роль пассивного послушания женщин, доказывая морально равенство женщин, их прав на собственное суждение – радикальное и независимое [9]. В своем «Серьезном предложении леди» («A Serious Proposal to the Ladies», 1692) М.Эстел пишет, что мужчины обвиняют женщин в иррациональности, но при этом не дают им учиться, добавляя, что предположение о природной «неполноценности» женщин никогда бы не выдержало проверку при условии их образования. У нее есть пассаж, в котором она заявляет, что «исключительные» женщины вполне достойны статуса «почетных» («honorary») мужчин [9].

Спустя век после публикации феминистских трактатов М. Эстел происходят два великих события: Война за независимость США (1776) и Французская революция (1789), легитимизировавшие концепт равенства и вдохновившие широкую критику неравноправных властных отношений, включая аболиционизм и феминизм. Наиболее распространенной точкой зрения можно считать утверждение, что феминизм как общественное движение начинает свою историю с «Декларации прав человека и гражданина», провозглашенной в 1789 году. В то же время, как уже неоднократно подчеркивалось, постулаты, излагаемые в терминах прав человека, не только не включали женщин, но отрицали саму эту возможность. Нельзя сказать, однако, что ничто не противостояло этому «согласию» в среде философов-просветителей. Например, французский мыслитель Ж. Кондорсе утверждал, что женщины обладают разумом и следовательно, должны получать образование и иметь те же политические права, что и мужчины; отрицание этого есть недопустимая тирания. Он считал, что это мужчины сделали женщин такими, каковы они есть, и требовал, чтобы мужчинам и женщинам были даны равные права и образование для построения гражданского общества, а не для разделения половых ролей [10]. Безусловно, наиболее известной работой, демонстрирующей непоследовательность либеральных идей Просвещения, была «Защита прав женщины» М.Уоллстоункрафт (1792), но ее слава не должна затмевать достижения других феминисток этого времени.

Кэтрин Маколей (1731-1791) была историком, в честь которой сочинялись хвалебные оды, церковь оказывала ей знаки особого уважения, но затем она оскорбила общественное

2d the International Conference «Research, Innovation and Education» 2015

мнение: вышла во второй раз замуж за мужчину, намного ее младше, и написав книгу на «спорную» феминистскую тему «Письма об образовании: с религиозными и метафизическими наблюдениями» («Letters on Education: with observations on religions and metaphysical subjects»). «Письма об образовании» Маколей – это педагогическая и политическая работа историка-политика, руководствующего законом рационального принципа (как известно, последний лежал в основе «Защиты прав женщины» Уоллстоункрафт), Маколей не отрицала, что большинству женщин невозможно отличиться в науках, образовании или литературе, но она полагала, что знание, если им будет позволено приобрести его, найдет свое применение в поведении женщин. Она, как и Эстелл, и Уоллстоункрафт, была моралисткой, основывающей свои суждения на рационализме в этике, и утверждающей женское образование как самое главное поле для практического феминистского действия.

Возвращаясь к М. Уоллстоункрафт, необходимо подчеркнуть: разум и чувство – главная оппозиция в научной ткани М. Уоллстоункрафт. Исследователи отмечают, что особое внимание к этой дихотомии и чрезвычайная вера в силу разума, в его способность реформировать социально-политическую жизнь позволяют уверенно говорить о М. Уоллстоункрафт как о представительнице эпохи Просвещения [11]. Женщины должны получать образование и знания, чтобы иметь возможность делать разумный выбор, писала она, только в этом случае имеет смысл говорить об их ценных личностных качествах [12]. Уоллстоункрафт связывала отсутствие надлежащего образования с проблемой эмансипации женщины на «матримониальном рынке»: если бы женщины были лучше образованы, то не выходили бы замуж для того, чтобы содержать себя, но, с другой стороны, даже хорошо образованная девушка не может ожидать лучшего места работы, чем положение гувернантки, добавляла Уоллстоункрафт; и эта ситуация не изменится, пока женщины будут рассматриваться как «объект» в сценарии, написанном мужчинами, а не как равные человеческие существа с одинаковыми моральными принципами. Подлинная свобода, утверждает Уоллстоункрафт, и для мужчины, и для женщины – это служить тому рациональному принципу, который добропорядочные представители англиканской церкви называют Богом.

Еще в начале XVIII века Ф. Бэкон написал «*Scientia potentia est*». Триста лет назад буржуазные революции в Англии и Франции дали толчок существованию новой системы создания материальных ценностей. С этим изменением

2d the International Conference «Research, Innovation and Education» 2015

общественных отношений пришли изменения властных отношений в семье, в домашней жизни, являющейся стереотипно «оперативным полем» женщины. Неудивительно, что именно под влиянием Французской революции М. Уоллстоункрафт пишет свою «Защиту прав женщины», где помимо описания «обычной женщины» как «нежного домашнего животного» содержится требование предоставить ей право на образование, которое даст женщине возможность равенства. Женщина без права на образование, по мысли многих прогрессивно мыслящих писательниц XVII- XVIII веков, будет всегда «низшей» в обществе, в котором нет места женскому интеллекту, нет простора для женской инициативности и предприимчивости, в котором не может быть и речи о независимости женщины.

References

- [1] Harding S. *Feminism, Science and the Anti-Enlightenment Critiques// Feminism/Postmodernism.* – New York and London: Routledge, 1990.-p.83-106
- [2] Liotar Zh.F. *Sostojanje postmoderna.* [postmodern condition]. St.Petersburg., 1998.- 159p.
- [3] Habermas Ju. *Modern – nezavershenyj projekt// Sovremennaja literaturnaja teorija. Antologija.* [Unfinished project]. M.: Flinta, Nauka, 2004.- pp.226-242.
- [4] Jane Flax, "Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory", in *Feminism I Postmodemism*, ed. Linda J. Nicholson (New York: Routledge, 1990), p.39-62.
- [5] Di Stefano C., "Dilemmas of Difference: Feminism, Modernity, and Postmodernism," in Linda Nicholson, (ed)*Feminism/Postmodernism* New York: Routledge, 1990: 63–82
- [6] Vlasova T.I. *Formirovanie gendernyh stereotipov v zapadnoevropejskoj filosofii.* [Formation of gender stereotypes in Western philosophy]. K.: Geneza, 2006. – p.296.
- [7] Russo Zh.-Zh. *Jemil', ili o vospitanii.* [Emile, or about education]. M.: Hud.litr-ra 1961. – 850 p.
- [8] Freedman E. *No Turning Back.* – New York: Ballantine Books, 2003. – 446 p.
- [9] Kirkham M. *Jane Austen, feminism and fiction.* – Brighton, 1983. – 187 p.
- [10] Condorce J-A. *For the Admission to the Rights of Citizenship For Women*

**2d the International Conference
«Research, Innovation and Education» 2015**

- [11] Gejtens, M. Pritesnenie moego pola: Uollstonkraft o razume, chuvstve i ravenstve / M. Gejtens// Feministskaja kritika i revizija istorii političeskoj filosofii. [Oppression of my sex]. M.: ROSSPJeN, 2005. - pp. 159 -181
- Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of woman - London: Penguin, 1975. – 340 p.